

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМ ТРАВМАТИЧЕСКИМ ОПЫТОМ

Д. Р. ШАРИПОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлена характеристика концепции индивидуальной религиозности Г. Олпорта, а также проанализированы ее недостатки. Определено, что внутренне религиозная личность характеризуется большей религиозной зрелостью ввиду опоры на истинные религиозные мотивы, ценность религии. Такой личности свойственны более зрелые религиозные черты, установки, ценностные ориентации, мотивы, мировоззрение и поведение. Внешне религиозная личность, в свою очередь, характеризуется меньшей религиозной зрелостью ввиду опоры не на внутренние качества, а на религию как средство достижения целей, удовлетворения потребностей. Посредством применения критерия полезности установлено, что внутренне религиозному индивиду свойственна меньшая полезность в контексте достижения личных целей. Внешне религиозная личность отличается большей полезностью, т. е. личностные черты, мотивы, установки, ценности и мировоззрение такой личности опираются на полезность религиозных действий либо для себя (внешнеличностный фактор), либо для социума (внешнесоциальный фактор). Выявлено, что внутренне религиозная личность эффективнее преодолевает травматический опыт по сравнению с внешне религиозной личностью ввиду различий в механизмах совладания с таким опытом и наличия ресурсов для этого.

Ключевые слова: религиозность; внешняя религиозность; внутренняя религиозность; картина мира; базовые убеждения; психическая травма.

EXTERNAL AND INTERNAL RELIGIOSITY OF A PERSON WITH VARIOUS TRAUMATIC EXPERIENCES

D. R. SHARIPOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article presents a description of G. Allport's concept of individual religiosity and analyses its shortcomings. It is determined that an intrinsically religious individual is characterised by greater religious maturity due to their reliance on genuine religious motives and the value of religion. Such individuals exhibit more mature religious traits, attitudes, value orientations, motives, worldview, and behaviour. An extrinsically religious individual, in turn, is characterised by lesser religious maturity due to their reliance not on internal qualities, but on religion as a means of achieving goals and satisfying needs. Using the utility criterion, it is established that an intrinsically religious individual exhibits lower utility in the context of achieving personal goals. An extrinsically religious individual is distinguished by greater utility, i. e., their personality traits, motives, attitudes, values, and worldview are based on the utility of religious actions either for themselves (extrinsic personal factor) or for society (extrinsic social factor). It was found that an internally religious person overcomes traumatic experiences more effectively than an externally religious person due to differences in the mechanisms for coping with such experiences and the availability of resources for this.

Keywords: religiosity; external religiosity; internal religiosity; worldview; basic beliefs; mental trauma.

Образец цитирования:

Шарипова ДР. Внешняя и внутренняя религиозность личности с различным травматическим опытом. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2026;1:87–96.
EDN: COBRTZ

For citation:

Sharipova DR. External and internal religiosity of a person with various traumatic experiences. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:87–96. Russian.
EDN: COBRTZ

Автор:

Дарья Рустемовна Шарипова – аспирантка кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. С. Солодухо.

Author:

Daria R. Sharipova, postgraduate student at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
darya.sharypava@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7235-6247>

Введение

Мы будем рассматривать религию как чувство, действие, опыт личности, ее отношение к Божеству (У. Джеймс) [1]. Религия играет важную роль в формировании личностных смыслов и ценностей [2]. С общей религиозностью личности связано ее субъективное благополучие в религиозной сфере [3]. В связи с этим интересным является изучение религиозности личности и особенностей преодоления различных жизненных трудностей, в том числе психических травм.

Сфокусируемся на феномене религиозности и различных его трактовках. В рамках социологии религиозность изучали К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и С. Хантингтон. Религиозность рассматривалась сквозь призму социальных процессов, культурно-религиозных основ и ценностных сдвигов в обществе [4]. Т. Лукман и П. Бергер определяли религиозность как качество, присущее природе человека, и отмечали, что формы его проявления изменяются под влиянием социальных процессов [5]. Другими словами, социологическое определение религиозности затрагивало ценности, зависящие от социальных изменений. В зарубежных психологических исследованиях религиозность определяется как набор и содержание индивидуальных религиозных убеждений о высшей силе. С. Т. Гледдинг, Е. Л. Льюис и Л. Адкинс выделяют в религиозности следующие два аспекта: 1) восприятие индивидом религиозных ценностей; 2) активные религиозные действия (посещение церквей, чтение молитв и т. д.) [6]. Здесь в отличие от социологических исследований акцент делается на содержании индивидуальных убеждений. В психологии существуют психоаналитический (З. Фрейд, К. Г. Юнг), экзистенциально-гуманистический (В. Франкл, А. Маслоу, И. Ялом), социально-психологический (Д. Н. Угринович, С. Московичи) подходы к изучению религиозности. Однако мы сосредоточимся на многомерном подходе, в рамках которого религиозность представляет собой структуру, образованную совокупностями черт личности, установок, ценностных ориентаций, мотивов, особенностями мировоззрения и поведения [1], и в дальнейшем сделаем акцент на изучении внешней и внутренней религиозности.

Существовали предпосылки для развития диалектической теории религиозности. У. Джеймс отмечал внешний и внутренний аспекты религии [7], А. Маслоу выделял мистическую и законническую религию [8], Э. Фромм описывал авторитарный и гуманистический векторы развития религии [9]. Общим в этих взглядах является противопоставление внешнего внутреннему, которое создало базу для развития концепции Г. Олпорта.

Огромное внимание изучению религиозности уделял Г. Олпорт. Его разделение религиозных ориентаций базировалось на внешних и внутренних цен-

ностях личности. Внутренние ценности считались первичными, а внешние ценности – вторичными. По мнению психолога, внешние ценности являются базой для формирования внутренних. В зависимости от формы и зрелости религиозных взглядов, степени их влияния на жизнь Г. Олпорт выделял внешний и внутренний типы религиозной ориентации индивида. Основой для этого разделения были идеи о религиозной зрелости. Религиозная зрелость отличается от религиозной незрелости отходом от эгоцентризма. Религиозная зрелость дифференцирована, целостна; она выступает всеобъемлющей жизненной философией, которая интегрирует когнитивную (картина мира) и мотивационную составляющие личности, предоставляет цель в жизни и ценностную систему. В то же время религиозная незрелость является более простой, нерелексивной, некритичной [10]. В дальнейшем религиозную зрелость мы будем использовать как критерий для сравнения внешней и внутренней религиозности.

Однако, кроме внутреннего и внешнего типов религиозной ориентации, стоит учесть разделение на религиозных индивидов, нерелигиозных индивидов и атеистов. Существуют индивиды, находящиеся на стыке религиозности и нерелигиозности. Они проявляют религиозное поведение, имея нерелигиозные мотивы, например посещают церковь в целях заведения новых знакомств и общения [11]. Атеисты, в свою очередь, негативно относятся к религиозным ценностям и не участвуют в религиозной жизни [12].

В психологии часто употребляется понятие «религиозная ориентация индивида». Г. Олпорт использует именно такую формулировку. Религиозная ориентация индивида определяет то, в какой степени религиозность обуславливает ценностные поведенческие проявления личности [13]. Это понятие характеризует направленность, степень выраженности религиозности. Следовательно, понятие «религиозная ориентация индивида» несколько шире понятия «религиозность». В настоящей статье под термином «религиозность» мы подразумеваем структуру с определенными личностными чертами, установками, ценностными ориентациями, мотивами, мировоззрением и поведением, которые обуславливают проявления личности.

Стоит отдельно заметить, что в психологии существует много исследований религиозности, религиозных ориентаций, религиозности личностей с различным травматическим опытом. В этих исследованиях изучаются религиозные убеждения, установки, мотивы и ценности. Однако работ, в рамках которых рассматривается внешняя и внутренняя религиозность, мало. В этих немногочисленных исследованиях методологической основой часто выступает религиозная типология Г. Олпорта, достоинства

и недостатки которой мы подробнее постараемся разобрать в настоящем исследовании.

Периодически личность сталкивается с травматичными событиями, которые могут приводить к появлению религиозности, возникающей из переживания иррациональности мира и человеческой жизни. Со временем такая личность приобретает определенные религиозные ценности и убеждения, осмысливает жизненные цели [14]. В подобных ситуациях не сама религиозная личность преодолевает травматический опыт, опираясь на религиозность, а событие становится началом религиозной жизни индивида.

Религиозные индивиды имеют свои отличительные особенности. Используя религиозность как способ преодоления травматического опыта, личность выстраивает новую картину мира, «перерабатывая»

травму и находя новые смыслы для будущей жизни. В рамках настоящей работы мы постараемся охарактеризовать внешнюю и внутреннюю религиозность с опорой на накопившую критику концепцию Г. Олпорта, проанализируем актуальные критические замечания, высказанные в адрес его типологии, а также на основе анализа массива исследований внешней и внутренней религиозности личности определим тип религиозной ориентации, способствующий эффективному совладанию с травматическим опытом.

В рамках настоящего исследования мы анализировали труды У. Джеймса, Д. М. Чумаковой, Г. Олпорта, Л. А. Киркпатрика, Р. В. Худа, М. Падун, А. Котельниковой, Р. Янофф-Бульман, Ж. Пиаже. Основным методом данного исследования является теоретический анализ.

Результаты и их обсуждение

Одной из самых известных и цитируемых статей о внутренней и внешней религиозности является работа Г. Олпорта и Дж. Росса «Религиозная ориентация личности и предрассудки» (1967) [11]. Именно с этой работы началось развитие психологии религий на Западе, в связи с чем мы будем уделять больше внимания ее анализу.

Рассмотрим подробнее внешнюю и внутреннюю религиозность. Г. Олпорт отмечает, что индивиды с внешним типом религиозной ориентации склонны к использованию религии в личных целях, они рассматривают ее с точки зрения полезности для их достижения. Например, религиозность может придавать уверенности или использоваться для самооправдания либо получения определенного социального статуса. Индивидам с внешней религиозностью свойственно наличие этнических предубеждений, такая религиозность скорее разъединяет, чем объединяет. Однако Г. Олпорт указывает, что в чистом виде типы религиозной ориентации встречаются редко; более распространенным является смешанный тип религиозной ориентации с преобладанием того или иного типа [15]. Для индивидов с внутренним типом религиозной ориентации религиозность выступает ключевым мотивом «переработки» травматического опыта. Религиозный поиск рассматривается как самоцель, как ценность, лежащая в основе всех вещей и желаемая ради ее самой. Лица, ориентированные на внутренние религиозные переживания, будут в большей степени обладать терпимостью, милосердием, эмпатией и связанной с этими качествами способностью принимать людей с отличным религиозным мировоззрением, другой системой ценностей. Такие индивиды часто интериоризируют религиозное мировоззрение, а другие потребности могут быть для них менее значимы и находиться в гармонии с религиозными воззрениями. Также Г. Олпорт отмечает, что внутренняя религиозность способствует моральному развитию, самопринятию и принятию других, фор-

мированию поведения, основанного на искренних религиозных ценностях [15].

Можно обобщить, что личность с внешней религиозностью использует религию в личных целях, рассматривая ее с точки зрения полезности (повышение уверенности, самооправдание, получение определенного социального статуса). Все это подразумевает соответствующие поведенческие проявления личности. Индивиды с внутренней религиозностью характеризуются наличием ценности религии самой по себе. Для такой личности в первую очередь значимо религиозное мировоззрение, что проявляется в ее действиях и поведении. При таком рассмотрении в рамках дихотомической концепции Г. Олпорта акцент делается на личностных качествах индивидов с разными типами религиозной ориентации. В дальнейшем мы выделим полезность как критерий для сравнения типов религиозной ориентации. Также стоит заметить, что в методике Г. Олпорта и Дж. Росса не определено, что именно подразумевается под внешней и внутренней религиозностью, и не принята во внимание возможность наличия у индивидов характеристик как внешнего, так и внутреннего типа религиозной ориентации одновременно. Проанализируем подробнее критические замечания, высказанные по отношению к этому подходу, так как в дальнейшем будут рассматриваться исследования, базирующиеся на нем.

Некоторые психологи критиковали подход Г. Олпорта и Дж. Росса за редукционизм личной религиозности, а также некоторую неоднозначность, неопределенность понятийно-категориального аппарата. Р. Хант и М. Кинг отмечали, что концепция Г. Олпорта теряет свою практическую значимость [16]. Л. Киркпатрик и Р. Худ считают проблемой данной концепции неудачные дефиниции, мешающие проверке гипотез в эмпирическом исследовании, что приводит к трудностям с валидацией шкал методики. В работах Г. Олпорта и Дж. Росса очень слабо разработаны

базовые определения понятий «внешняя религиозная ориентация», «внутренняя религиозная ориентация», «внешняя религиозность», «внутренняя религиозность», «внешняя религия» и «внутренняя религия» [17]. Р. Хант и М. Кинг отметили, что в рамках концепции Г. Олпорта понятие «внешняя религиозность» определено более четко (инструментальная или эгоистическая мотивация к религиозной активности), а понятие «внутренняя религиозность» имеет множество различных значений. Исследователи также подчеркивали, что в работах Г. Олпорта и Дж. Росса внутренняя религиозность представляет собой образ как личностной переменной, так и когнитивного стиля [16]. Л. Киркпатрик провел анализ шкал методики Г. Олпорта и Дж. Росса, в результате которого были выделены внешнесоциальный (использование религиозности для получения социальной выгоды) и внешнеличный (использование религиозности для обеспечения комфорта и безопасности) факторы формирования внешней религиозности [18]. Сходные результаты получили Д. Р. Ходж [19], Х. Амон и М. Йела [20]. В исследованиях также отмечались сложности с определением того, что конкретно измеряет внутренняя шкала методики Г. Олпорта и Дж. Росса. С. Д. Бэтсон и В. Вентис полагали, что она помогает выявить религиозную зрелость [21; 22]. М. Дж. Донахью, наоборот, считал, что сомнения менее важны в понимании религиозной зрелости [23]. Однако есть и позитивный момент: внутренняя шкала методики позволяет измерить религиозную приверженность (религиозную преданность, идейность) [24]. Можно обобщить совокупность недостатков и достоинств концепции Г. Олпорта, отмеченных разными исследователями. Так, внутренняя религиозность больше похожа на личностную переменную, когнитивный стиль; она относится ко множеству аспектов религиозности. Внутреннюю религиозность часто соотносят с религиозной зрелостью (религиозной приверженностью, преданностью, идейностью). Внешняя религиозность, в свою очередь, рассматривается сквозь призму инструментальной, эгоистической мотивации к религиозной активности. Можно выделить внешнесоциальный и внешнеличный факторы формирования внешней религиозности.

В работах Г. Олпорта и Дж. Росса был введен конструкт «непоследовательная прорелигиозность». К числу непоследовательно прорелигиозных людей исследователи относили респондентов, поддерживающих внешнюю и внутреннюю религиозность одновременно, т. е. тех индивидов, которые могут как быть религиозными, так и использовать религию в личных целях. В трудах Г. Олпорта и Дж. Росса нет четкой дефиниции этого конструкта, т. е. не определено то, что к нему относится. Л. Киркпатрик и Р. Худ отмечают, что непоследовательная прорелигиозность может быть третьим типом религиозной ориентации. Однако тогда при соотнесении этого типа

с внешней и внутренней религиозностью возникает неопределенность [17]. Тем не менее этот конструкт затрагивает значимую часть респондентов, которую сложно однозначно отнести к числу лиц с внешней либо внутренней религиозностью. Также этот конструкт, являясь срединным значением, «разбавляет» дихотомическую концепцию Г. Олпорта, что способствует решению проблем типологии, указанных в рамках критических замечаний.

В то же время остается нерешенной проблема наполненности изучаемых типов религиозной ориентации. Предпринималось множество попыток ее решить, например попытка разделить типы религиозной ориентации на две категории – высокий и низкий типы. Однако при таком подходе теряется большое количество информации, редуцируются респонденты, выбирающие срединные значения. П. Бенсон предложил описывать религиозность разными способами. Так, индивидуально-охраняющую религиозность он противопоставлял общинно-строящей, личную религиозность – общинной, горизонтальную религиозность – вертикальной. По мнению А. Л. Киркпатрика и Р. Худа, данная модель, как и подобные ей модели, которые могут быть разработаны или уже разработаны, представляет собой перспективное решение перейти от дихотомии плохая религиозность – хорошая религиозность к более сложной динамической конструкции, в рамках которой возможно рассматривать индивидуальные различия в религиозности людей [17, с. 388]. Следовательно, может быть разработана модель, включающая качественные динамические характеристики, относящиеся к внешней и внутренней религиозности личности. С ее помощью возможно учесть респондентов, которые имеют характеристики как внешне-го, так и внутреннего типа религиозной ориентации. Этот подход дает возможность разрешить критические противоречия. Однако необходимо определить характеристики для противопоставления, которые будут относиться к внешнему и внутреннему типам религиозной ориентации. П. Бенсон предложил разные интересные варианты характеристик, с помощью которых можно качественно изучать религиозность, однако нет данных об их отнесенности к внешней либо внутренней религиозности.

Стоит уделить внимание и взглядам С. Д. Бэтсона, который ввел новый аспект внутренней религиозности под названием «религия как поиск». Для индивидов, относящихся к религии как к поиску, характерны постоянное сомнение и поиск, вызванные как личными, так и общественными проблемами и противоречиями [21]. Подход С. Д. Бэтсона позволяет исследовать религиозность нерелигиозных индивидов, находящихся в поиске, в противовес концепции Г. Олпорта, в рамках которой подразумевается, что личность религиозна (в методике Г. Олпорта и Дж. Росса представлены вопросы о посещении

религиозных мест, религиозных действиях, что делает невозможным изучение нерелигиозных лиц).

Хоть С. Д. Бэтсон и выделяет аспект внутренней религиозности «религия как поиск», однако он не противопоставляет его такому же аспекту внешней религиозности. П. Бенсон предлагает множество других характеристик, которые можно соотносить с внешней и внутренней религиозностью. Такой подход может быть особенно полезен для изучения религиозности респондентов, проявляющих признаки обоих типов одновременно. Однако при таком рассмотрении открытым остается вопрос наполнения характеристиками внешнего и внутреннего типов религиозной ориентации.

Несмотря на критику, на данный момент концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта является одной из самых популярных. Устранить недостатки данной концепции можно путем внедрения качественных динамических характеристик, относящихся к внутренней и внешней религиозности, а также посредством выделения критериев для сравнения двух типов религиозной ориентации. Первым критерием для сравнения может быть зрелость, являющаяся предпосылкой для возникновения данной типологии и отражающая степень сформированности личностного качества, его глубину, вторым критерием – полезность, на котором основывается разделение религиозной ориентации на типы.

Следовательно, можно сделать вывод о большей религиозной зрелости внутренне религиозной личности ввиду опоры на истинные религиозные ценности, ценность религии. Внешне религиозная личность, в свою очередь, характеризуется меньшей религиозной зрелостью ввиду опоры на религию как средство достижения личных целей.

На основе критерия полезности можно заключить, что внутренне религиозная личность, которая опирается на религию как самоцель, религию как поиск, будет характеризоваться смещением акцента с достижения целей на религиозный поиск. Внутренне религиозная личность фокусируется на истинно религиозных ценностях, либо религиозность для нее является толчком для разрешения личных и общественных противоречий. Такой индивид не считает религию средством достижения целей, удовлетворения потребностей. Внешне религиозная личность, в свою очередь, будет отличаться большей полезностью ввиду использования религии для достижения личных целей (повышение уверенности, самооправдание, получение определенного социального статуса). В то же время внутренне религиозная личность считает ценностью религию саму по себе.

Таким образом, Г. Олпорт и Дж. Росс внесли большой вклад в развитие теории внешней и внутренней религиозности; с опорой на концепцию Г. Олпорта проведено множество эмпирических исследований. Внутренняя религиозность вносит в психологиче-

ское благополучие личности позитивный вклад, внешняя религиозность – негативный вклад [10]. В различных исследованиях отмечалась положительная взаимосвязь внутренней религиозности с эмпатией, внутренним локусом контроля, альтруизмом, психологическим здоровьем в целом, сложностью стиля атрибуции [25] и негативная взаимосвязь внутренней религиозности с депрессией [26]. В других работах указывается, что внутренне религиозные личности успешнее борются со страхом смерти по сравнению с внешне религиозными личностями, что возможно благодаря тому, что внутренне религиозная личность наделяет смерть смыслом [27]. С внешним типом религиозной ориентации положительно связаны активная защита своих взглядов, склонность к нетолерантности [28] и экстремизму [29]. В исследовании типа религиозной ориентации и индивидуальных психологических особенностей Т. В. Белых на основе анализа выборки студентов было выявлено, что внутренне религиозные индивиды более интровертированы, застенчивы и деятельны, они не желают самоутверждения и имеют склонность помогать окружающим. Внешне религиозная личность более экстравертирована, она имеет склонность к самоутверждению, может быть менее толерантной, более агрессивной и эгоцентричной [13]. Была отмечена и взаимосвязь внешнего типа религиозной ориентации с общим уровнем рефлексивности и дезадаптивными формами рефлексии (интроспекция и квазирефлексия) [30]. Ю. Ю. Джуад изучала взаимосвязь между религиозностью и психологической устойчивостью мусульман, проживающих в российских мегаполисах. Автор выявила, что более высокий уровень психологической устойчивости характерен для мусульман с внутренней религиозностью [31]. Можно заметить, что в исследованиях отмечаются не только различия в личностных качествах индивидов с разным типом религиозной ориентации, но и влияние типа религиозной ориентации на характер рефлексии, сознательность обращения внимания на мысли, эмоции, поведение, оценку решений, что, в свою очередь, воздействует на психологическую устойчивость. В данных характеристиках личности отражается дихотомия плохая религиозность – хорошая религиозность, лежащая в основе концепции Г. Олпорта, в рамках которой внешний тип религиозной ориентации условно связан с негативными характеристиками, а внутренний тип религиозной ориентации – с положительными характеристиками. Мы сделаем акцент на сравнении типов религиозной ориентации по выбранным критериям, постараемся описать характеристики этих типов на основе анализа различных исследований, не прибегая к положительным (отрицательным) показателям типов религиозной ориентации.

В исследовании Ю. В. Мишина выявлено, что внутренняя религиозность в числе других индивидуальных типических особенностей личности способствует

развитию мотивации избегания неудач. Доминирующим мотивационным сценарием внутренне религиозных людей является уклонение от неприятностей, проявление неуверенности в успехе и наличии потенциала для достижения цели. Вместе с тем для людей, обладающих внешним типом религиозной ориентации, и нерелигиозных людей характерен ведущий мотивационный сценарий достижения успеха. Когнитивная сфера таких индивидов обычно содержит ожидание и субъективную уверенность в успехе. Они ставят перед собой определенную цель, выбирают средства ее достижения, организуют и направляют собственную деятельность [32]. Результаты исследования Ю. В. Мишина подтверждают наш вывод об опоре личностных черт, мотивов, установок, ценностей и мировоззрения внешне религиозных индивидов на полезность религиозных действий либо для себя, либо для социума, а также о том, что внутренне религиозной личности свойственны зрелые религиозные черты, установки, ценностные ориентации, мотивы, мировоззрение и поведение. Зрелые религиозные черты могут быть связаны с избеганием неудач и неприятностей, неуверенностью в достижении цели, так как внутренне религиозные личности опираются не на достижение целей, личную или социальную эффективность, а на религию как самоцель.

В исследовании Р. А. Мизаева было отмечено, что чем выраженнее внешний тип религиозной ориентации, тем слабее способность справляться с кризисными и стрессовыми ситуациями, и наоборот. В ходе преодоления таких ситуаций лица с внутренним типом религиозной ориентации чаще используют копинг-стратегии, основывающиеся на проявлении эмпатии, социальной поддержке, отстранении от негативных мыслей [33]. Можно обобщить, что индивиды с внутренней религиозностью склонны избегать неудач, не уверены в успехе, достижении целей, но в тоже время они лучше справляются с кризисными и стрессовыми событиями, что дает возможность предположить наличие у них больших ресурсов для совладания с травматическим опытом. Индивиды с внешней религиозностью и нерелигиозные индивиды склонны достигать успеха, ставить цели и осуществлять деятельность по их достижению. Однако они хуже справляются с кризисными и стрессовыми ситуациями, что может свидетельствовать о недостатке ресурсов для адаптации к таким событиям.

Важно отметить, что для нахождения путей преодоления психотравмирующего опыта очень значимы психологические ресурсы. Для приспособления к новым жизненным обстоятельствам необходимо уметь преодолевать негативное воздействие психических травм. Религиозные ресурсы, включая религиозные убеждения, ценности, системы норм и правил, дающие защиту и безопасность, могут быть тем самым ориентиром, опорой для преодоления травматического опыта [7].

В рамках концепции Р. Янофф-Бульман психическая травма понимается как изменение базисных убеждений личности о доброжелательности окружающего мира, о его справедливости, а также о ценности и значимости собственного Я [34]. Впервые научно обоснованные представления о когнитивных механизмах формирования симптомов психической травмы были описаны М. Горовитцем. Он отмечает, что после травматического события за стадией протеста следует стадия включения новой информации в систему представлений индивида. Стоит отметить, что не всегда личность способна согласовать мысли и связанные с событием образы с предшествующими ментальными репрезентациями. Эта неспособность приводит к запуску защитных механизмов: замирания, отрицания, избегания. Однако у индивида есть потребность «примирить» дотравматические и посттравматические представления. И тогда, минуя защитные механизмы, в сознание проникают мысли, воспоминания о травматической ситуации, что в дальнейшем будет выступать основой формирования посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Чтобы адаптироваться к новой жизненной реальности, необходимо иметь достаточно ресурсов [34].

Психическая травма затрагивает картину мира человека. По мнению М. А. Падун и А. В. Котельниковой, картина мира – это совокупность базисных убеждений, представлений индивида о самом себе, внешней реальности, об отношениях между Я и внешней реальностью [34]. В соответствии с концепцией психической травмы Р. Янофф-Бульман выделяются такие базисные убеждения, как убежденность в благосклонности, справедливости и контролируемости мира; вера в доброту людей; убежденность в случайности происходящего; вера в ценность собственного Я и в удачу. Основным смыслом концепции состоит в том, что личность стремится объяснять жизненные ситуации так, чтобы поддерживалась стабильность внутренней картины мира, которая служит опорой в меняющихся условиях жизни [34; 35]. Однако в социально-когнитивной теории Янофф-Бульман акцентируется внимание на том, что индивиды, пережившие травматические ситуации, имеют некий общий опыт – нарушенные представления (когнитивные схемы) о себе и о мире. Травматическое событие выходит за рамки привычных представлений личности. Преодоление травматического опыта возможно при наличии ресурсов, соприкосновении с разрушенными представлениями и их перестройке в целях дальнейшего функционирования индивида. Для личности важны размышления и работа по перестройке мировоззрения, переживанию травмы [36]. Ее картина мира претерпевает серьезные изменения. Ж. Пиаже ввел понятия «ассимиляция» и «аккомодация», которые объясняют воздействие травмы на когнитивные схемы. Ассимиляция – это включение нового объекта в уже существующие схемы действия. В процессе ассимиляции происходит редукция

нового опыта к уже имеющимся концептуальным структурам. Если новый опыт не полностью вписывается в существующие схемы, происходит аккомодация, т. е. перестройка когнитивных схем, их приспособление к новому опыту. По мнению Ж. Пиаже, чередование процессов ассимиляции и аккомодации обеспечивает когнитивное развитие личности [37]. Опираясь на знание о типах религиозной ориентации, можно предположить, что личность с внешней религиозностью будет более склонна к ассимиляции, так как такая личность склонна использовать религиозность для достижения своих целей, удовлетворения потребностей. Личность с внутренней религиозностью, в свою очередь, более склонна к внутренней перестройке когнитивных схем ввиду опоры на личные процессы, с помощью которых происходит удовлетворение потребностей такой личности.

Для реорганизации картины мира необходимы ресурсы, но не все характеристики личности способствуют изменению нарушенных представлений. Кроме того, психологическая травма оказывает глубокое воздействие на черты, самооценку, доверие, эмоциональную устойчивость, мировоззрение и ценности личности, а также повышает вероятность возникновения проблем в межличностных отношениях, депрессивных и тревожных расстройств ПТСР [38]. У личности после травматического события могут наблюдаться дезадаптационные процессы, эмоциональные проблемы (гнев, вина, раздражительность, ощущение себя жертвой), сложности с восприятием себя и социума. Все это усиливает виктимизацию личности [39].

На основе анализа множества эмпирических исследований внешней и внутренней религиозности личности (Г. Олпорт), представлений о картине мира (М. А. Падун и А. В. Котельникова), базисных убеждений и концепции психической травмы (Р. Януфф-Бульман) можно сделать вывод о наличии разных способов преодоления травматического опыта. Предположительно личность с внешней религиозностью будет склонна адаптироваться к такому опыту путем включения новой, посттравматической информации в дотравматические когнитивные схемы. Для такой адаптации необходимы личностные ресурсы, но, опираясь на массив вышеописанных исследований, можно заключить, что у индивидов с внешней религиозностью их недостаточно. После получения психической травмы при наличии ресурсов должна произойти адаптация к травматическому опыту. Недостаточность ресурсов косвенно подтверждается результатами исследования способности индивидов с внешней религиозностью справляться с кризисными и стрессовыми ситуациями. Кроме того, внешняя религиозность имеет отрицательную взаимосвязь с психическим здоровьем в целом, с психологическим благополучием, эмпатией, внутренним локусом контроля, альтруизмом, сложностью стиля атрибуции. Также существует исследование, в рамках которого выявлена связь данного типа религиозности с де-

прессией, являющейся серьезным последствием психической травматизации. Это исследование косвенно подтверждает наш вывод о менее качественных адаптации и функционировании личности с внешней религиозностью после травматического события. Кроме того, стоит отметить и меньшую успешность такой личности в борьбе со страхом смерти, ее склонность к дезадаптивным формам рефлексии (интроспекция и квазирефлексия) и нетолерантности. Нетолерантность, в свою очередь, препятствует изменению картины мира. Для изменения картины мира важно наличие ресурсов и соприкосновение с разрушенными представлениями личности. После такой реорганизации и происходит перестройка представлений для лучшей адаптации и дальнейшего функционирования индивида. Эти данные могут свидетельствовать о сложности включения информации о травматическом событии в дотравматические когнитивные схемы. Однако у лиц с внешней религиозностью есть неоднозначные качества, такие как активная защита своих взглядов, целеустремленность, экстравертированность, агрессивность и эгоистичность, склонность к самоутверждению.

Также можно заключить, что внутренняя религиозность способствует преодолению травматического опыта, так как она положительно коррелирует с психологической устойчивостью и благополучием, психическим здоровьем в целом, что свидетельствует о наличии необходимых ресурсов. Кроме того, можно сделать вывод о том, что внутренняя религиозность, выступающая более зрелым проявлением религиозности, сама по себе может быть ресурсом для совладания с травматическим опытом. Этот вывод основан на том, что личность с внутренней религиозностью лучше справляется с кризисными и стрессовыми ситуациями, которые не становятся для нее психической травмой. Также реорганизации картины мира способствуют и другие факторы, такие как наличие внутреннего локуса контроля, сложного стиля атрибуции, социальная поддержка. Кроме того, Г. Олпорт считал, что внутренняя религиозность содействует сохранению психического здоровья [40], ввиду чего для внутренне религиозных индивидов в меньшей степени характерно возникновение негативных последствий травмирующего опыта – депрессивных и тревожных расстройств, ПТСР. Исследования подтверждают успешность внутренне религиозной личности в борьбе со страхом смерти. Стоит отметить, что высокий уровень психологической устойчивости более характерен для лиц с внутренней религиозностью, что может говорить о стабильности схем их приспособления к различным жизненным событиям, включая травматические ситуации. Однако неоднозначными являются такие характеристики внутренне религиозных индивидов, как застенчивость, интровертированность, избегание неудач, неуверенность в успехе, недостаточная вера в наличие потенциала для достижения цели, которые мешают получению социальной поддержки. Отстранение от негативных

мыслей может препятствовать дальнейшей переработке травматического опыта у таких индивидов.

Таким образом, религиозность играет важную роль в формировании представлений о жизни, мире и себе, а также влияет на их реорганизацию для преодоления травматического опыта. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта на данный момент является самой популярной. На основе критических замечаний, высказанных различными исследователями в адрес данной концепции, мы выделили критерии для сравнения типов религиозной ориентации, а также определили характеристики внешней и внутренней религиозности личности, со-

отнесли их с представлениями о базисных убеждениях, изменением картины мира, спрогнозировали позитивные и негативные стороны в преодолении травматического опыта. Можно заметить, что в настоящем исследовании через набор уровней рассмотрения (когнитивный, эмоциональный, поведенческий уровни) религиозность личности описана с опорой на ее когнитивную сферу (убеждения, ценности). В связи с этим перспективным направлением для дальнейших исследований может стать сравнение внешней и внутренней религиозности с опорой на эмоциональный (переживания) и поведенческий (действия) уровни рассмотрения религиозности.

Заключение

Определено, что внутренне религиозная личность характеризуется большей религиозной зрелостью ввиду ее опоры на истинные религиозные мотивы, ценность религии. Внутренне религиозной личности характерны более зрелые религиозные черты, установки, ценностные ориентации, мотивы, мировоззрение и поведение. Внешне религиозная личность, в свою очередь, характеризуется меньшей религиозной зрелостью ввиду опоры не на внутренние качества, а на религию как средство удовлетворения нерелигиозных потребностей.

В ходе применения критерия полезности установлено, что внутренне религиозная личность, которая опирается на религию как самоцель, религию как поиск, характеризуется меньшей полезностью в контексте достижения целей. Такая личность фокусируется на истинно религиозных ценностях, либо религиозность является для нее толчком для разрешения как личных, так и общественных противоречий. Внутренне религиозный индивид не считает религию средством достижения целей и удовлетворения потребностей. Внешне религиозная личность же отличается большей полезностью ввиду использования религии для достижения своих целей (повышение уверенности, самооправдание, получение определенного социального статуса). Иными словами, ее личностные черты, мотивы, установки, ценности и мировоззрение опираются на полезность религиозных действий либо для себя (внешнеличностный фактор), либо для социума (внешнесоциальный фактор). В то же время внутренне религиозная личность считает ценностью религию саму по себе.

Выдвинуто предположение о том, что личность с внешней религиозностью склонна к ассимиляции, приспособлению путем включения нового опыта в существующие когнитивные схемы, поскольку такая личность использует религиозность для удовлетворения своих потребностей, а личность с внутренней религиозностью склонна к внутренней перестройке, модификации когнитивных схем для соответствия новому опыту ввиду опоры на внутренние процессы, с помощью которых она удовлетворяет свои потребности. Для внутренне религиозной личности рели-

гиозность является ресурсом для преодоления, переработки травматического опыта, реорганизации когнитивных схем. Опираясь на ценность религии, такая личность реконструирует базисные убеждения о доброжелательности окружающего мира, его справедливости, а также о ценности и значимости собственного Я. Религиозные ресурсы, включая религиозные убеждения, ценности, системы норм и правил, дающие защиту и безопасность, способствуют реорганизации картины мира, что подтверждает взаимосвязь внутренней религиозности с психологической устойчивостью и благополучием, психическим здоровьем в целом. Другие факторы, такие как наличие внутреннего локуса контроля и сложного стиля атрибуции, социальная поддержка, также создают условия для преодоления травматического опыта.

Внешне религиозная личность больше ориентирована на удовлетворение своих потребностей, для нее религиозность является средством, а не опорой, ценностью. Такая личность не имеет достаточно ресурсов для преодоления травматического опыта. Это утверждение подтверждается отрицательной взаимосвязью внешней религиозности с психическим здоровьем в целом, с психологическим благополучием, внутренним локусом контроля, сложностью стиля атрибуции. Этот тип религиозной ориентации имеет положительную связь с депрессией, которая является серьезным последствием психологической травматизации. Также для внешне религиозной личности характерна меньшая успешность в борьбе со страхом смерти, склонность к дезадаптивным формам рефлексии (интроспекция и квазирефлексия), которая играет ключевую роль в перестройке когнитивных схем и адаптации к новой реальности, и склонность к нетолерантности, которая препятствует изменению картины мира личности. Все это подтверждает сложность встраивания новой информации в существующие когнитивные схемы и свидетельствует не о переработке травматического опыта, а о действии защитных механизмов (заминание, отрицание, избегание), т. е. о недостаточности ресурсов для «примирения» дотравматических и посттравматических представлений индивида.

Библиографические ссылки

1. Чумакова ДМ. Религиозность личности: основные подходы, структура и диагностика. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2011;42:111–114. EDN: LNPEYX.
2. Донцов АВ. Психологическое исследование значения религии в развитии личности. *Гуманитарные науки*. 2023;1:158–163. EDN: DBSJES.
3. Чумаков МВ, Чумакова ДМ. Религиозность личности как ресурс субъективного благополучия в сложных жизненных ситуациях. В: Ершова ИА, редактор. *Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции; 6–7 апреля 2023 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 2023. с. 88–90. EDN: XJQJWCW.
4. Хлопкова ОВ. Современные проблемы исследования религиозности. *Современные исследования социальных проблем*. 2012;9:47. EDN: PFLQCF.
5. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
6. Gladding ST, Lewis EL, Adkins L. Religious beliefs and positive mental health. *Counseling and Values*. 1981;25(3):206–215.
7. Джеймс У. *Многообразие религиозного опыта*. Малахьева-Мирович ВГ, Шик МВ, переводчики; Лурье СВ, редактор. Москва: Наука; 1993. 431 с.
8. Maslow AH. *Religions, values and peak experiences*. New York: Penguin Compass; 1994. 123 p.
9. Фромм Э. *Психоанализ и религия*. Дванов А, переводчик. Москва: АСТ; 2023. 120 с.
10. Allport GW. *The individual and his religion*. New York: Macmillan; 1971. 170 p.
11. Allport GW, Ross JM. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967;5(4):432–443. DOI: 10.1037/0022-3514.5.4.432.
12. Малахова ИА. Религиозная потребность. *Вопросы научного атеизма*. 1980;26:297–308.
13. Белых ТВ. Внешняя и внутренняя религиозность в структуре субъектных характеристик личности. *Межрегиональные Пименовские чтения*. 2016;13:345–348. EDN: LZKMVF.
14. Пищик ВИ, Лобачева АО. Особенности религиозности и веры представителей «информационного» и «нового» поколений. *Социальная психология и общество*. 2022;13(1):70–86. DOI: 10.17759/sps.2022130105.
15. Олпорт Г. *Становление личности: избранные труды*. Трубицына ЛВ, Леонтьев ДА, переводчики; Леонтьев ДА, редактор. Москва: Смысл; 2002. 461 с.
16. Hunt RA, King M. The intrinsic-extrinsic concept: a review and evaluation. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1971;10(4):339–356. DOI: 10.2307/1384780.
17. Киркпатрик ЛА, Худ В. Внутренняя и внешняя религиозная ориентация: благословение или проклятие современной психологии религии. Медведева ЕН, Колкунова КА, переводчики. В: Колкунова КА, Малевич ТВ, составители. *Современная западная психология религии*. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; 2017. с. 359–395.
18. Kirkpatrick LA. A psychometric analysis of the Allport – Ross and Feagin measures of intrinsic-extrinsic religious orientation. *Research in the Social Scientific Study of Religion*. 1989;1:1–30.
19. Hoge DR. A validated intrinsic religious motivation scale. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1972;11(4):369–376. DOI: 10.2307/1384677.
20. Amon J, Yela MA. Dimensiones de la religiosidad. *Revista de Psicología General y Aplicada*. 1968;23:989–993.
21. Batson CD. Religion as prosocial: agent or double agent? *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1976;15(1):29–45. DOI: 10.2307/1384312.
22. Batson CD, Ventis WL. *The religious experience: a social-psychological perspective*. New York: Oxford University Press; 1982. 356 p.
23. Donahue MJ. Intrinsic and extrinsic religiousness: review and meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985;48(2):400–419. DOI: 10.1037/0022-3514.48.2.400.
24. Иценко АГ, Король МА. Психологическая концепция религиозности Г. Олпорта – Дж. Росса и ее критика. *Научные тенденции*. 2020;5:79–86. EDN: ZXJBAA.
25. Watson PJ, Morris RJ, Hood RW. Attributional complexity, religious orientation, and indiscriminate proreligiousness. *Review of Religious Research*. 1990;32(2):110–121. DOI: 10.2307/3511759.
26. Smith TB, McCullough M, Poll J. Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events. *Psychological Bulletin*. 2003;129(4):614–636. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.614.
27. Hui VK, Fung HH. Mortality anxiety as a function of intrinsic religiosity and perceived purpose in life. *Death Studies*. 2008;33(1):30–50. DOI: 10.1080/07481180802494099.
28. Едко ВА, Ляхов МС. Религиозность личности и толерантность в межличностных отношениях в философском и психологическом дискурсе. *Научные тенденции*. 2021;7:1–5.
29. Jonas E, Fischer P. Terror management and religion: evidence that intrinsic religiousness mitigates worldview defense following mortality salience. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006;91(3):553–567. DOI: 10.1037/0022-3514.91.3.553.
30. Добротворский ВА. Особенности рефлексивности лиц с внутренней и внешней религиозной ориентацией. В: Шаболтас АВ, редактор. *Психология XXI века. Психологические исследования: от теории к практике. Сборник тезисов участников Международной научной конференции молодых ученых; 21–23 апреля 2021 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Скифия-принт; 2021. с. 159–160. EDN: WKFDCCD.
31. Джуад ЮЮ. Связь религиозности и психологической устойчивости у мусульман, проживающих в российских мегаполисах. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(1):203–231. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-1-203-231.
32. Мишин ЮВ. Мотивационные аспекты религиозной и нерелигиозной личности. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018;61(часть 1):399–403. EDN: VPJQQQ.
33. Мизаев РА. Религиозность как фактор эмоционального благополучия российской молодежи (на примере православных и мусульман). *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(3):726–748. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-3-726-748.

34. Падун МА, Котельникова АВ. *Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика*. Москва: Институт психологии РАН; 2012. 206 с. (Перспективы психологии). EDN: QCTFGB.
35. Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumption after traumatic events: coping process and outcomes. In: Snyder CR, editor. *Coping: the psychology of what works*. New York: Oxford University Press; 1999. p. 305–323. DOI: 10.1093/med:psych/9780195119343.003.0014.
36. Магомед-Эминов МШ. Анализ современных моделей психологической травмы с точки зрения культурно-деятельностной парадигмы. *Теория и практика общественного развития*. 2014;17:202–207. EDN: SXZOBX.
37. Пиаже ЖВ. О механизмах «ассимиляции» и «аккомодации». *Психологическая наука и образование*. 1998;3(1):22–26.
38. Корешкова АС. Психотравма и формирование личности: влияние, последствия и методы преодоления. *Актуальные исследования*. 2024;5(часть 3):45–49. EDN: PVMXOZ.
39. Защирина ОВ. Викимизация личности при комплексных психических травмах. В: Белобрыкина ОА, Кошенова МИ, редакторы. *Современная реальность в социально-психологическом контексте. Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; 17–18 марта 2021 г.; Новосибирск, Россия*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет; 2021. с. 194–206. EDN: FRXXEL.
40. Бреская ОЮ. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода. *Социологические исследования*. 2011;12:77–87. EDN: ONGKVV.

Статья поступила в редколлегию 20.06.2025.
Received by editorial board 20.06.2025.